

Коллаж: ОВД-Инфо / Фото из личного архива Лидии Прудовской

24.09.2024, 14:31 [Архангельская область](#)

СТАТЬИ

На жительницу Архангельской области завели дело о дискредитации. Она уехала с детьми из страны, ее 12-летнего приемного сына объявили в розыск

Лидия Прудовская всю жизнь прожила в городке Мирный в 350 километрах от Архангельска. В 2012 году ее сын умер от порока сердца, и она взяла ребенка из детского дома. После начала войны на Прудовскую завели уголовное дело из-за антивоенных постов. Лидия вместе с сыном уехала из страны. В эмиграции она узнала, что ее лишили прав на приемного сына, а ребенка объявили в розыск.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

В родном городе Мирный Архангельской области Прудовская работала диспетчером на железной дороге, потом отучилась на строительного инженера и стала работать на стройке, а спустя время получила юридическое образование и открыла свою практику. «Я пыталась защищать людей от государства: где-то незаконно уволили, где-то пенсию не хотят выплачивать. До войны выигрывала подобные суды», — рассказывает Лидия.

В 2011 году у нее родился второй сын, но спустя время ему диагностировали порок сердца. Мальчик умер в 11 месяцев. «Его оперировали в Москве, но это не помогло. Был полный ужас и халатность врачей. Никому не пожелаю это пережить. Российская медицина — это вообще самое ужасное, что есть», — вспоминает Прудовская.

После смерти сына в 2012 году Лидия вместе с мужем решили взять ребенка из детского дома. Женщина уже думала про это, потому что сама выросла без матери и целый год жила в интернате, а пережитая трагедия подстегнула принять окончательное решение. Прудовская собиралась взять ребенка из своего города, но в местном детском доме были дети только с тяжелыми заболеваниями. «После [смерти сына] для меня еще раз переживать больницы было смерти подобно», — объясняет она.

По рекомендации знакомых Лидия съездила в Архангельск и встретила с местными органами опеки.

В тот же день, как только они с мужем вернулись в Мирный, ей позвонили из Архангельска и предложили познакомиться с мальчиком Женей.

«На меня вообще ноль реакции, — вспоминает Лидия встречу с Женей. — Нам дали минут 15-20 познакомиться, все это время он прыгал на коленях у мужа. Он такой прям гиперактивный ребенок был. У него еще тогда резались зубки, и слюни рекой текли изо рта».

Через две недели после первой встречи Женю забрали. «Мы один раз увидели и потом через две недели приехали уже за ним со всеми документами. Нам сказали, что так быстро ребенка у них ни разу не забирали», — улыбается Прудовская.

«Мы его забрали, приехали домой, и начался период адаптации. Мы привыкали к нему, а он — к нам, — рассказывает женщина. — Для меня было удивительно, когда я поняла, что Женя сам себя укачивал в кроватке. Его кладешь в кроватку, а он сам раскачивается и засыпает. Бедный ребенок, в доме малютки персонала не хватало, и ему пришлось научиться самому засыпать».

Прудовские забрали Женю, когда ему было 11 месяцев. В тот момент Лидия еще не знала, что уже беременна.

«Деваться было некуда. Ребенок тут уже, мы ждем второго и все. Тяжеловато немножко было, когда два маленьких, но нам помогали родственники и моя старшая дочь от первого брака. Муж был мне не помощник — военный, все время на работе, в нарядах, — вспоминает Лидия. — Потихонечку справились, привыкли друг к другу. Вся моя большая семья безумно Женю полюбила. Мои две сестры души в нем не чают, а их дети считают его родным братом».

Лидия с Женей в 2016 году / Фото из личного архива Лидии Прудовской

«ЕСЛИ РОДИНА МОЯ, ПОЧЕМУ Я ДОЛЖНА ПОДДЕРЖИВАТЬ, ЕСЛИ ЕЕ НАДО ЛЕЧИТЬ?»

«В день начала российского вторжения мы с родственниками и мужем были в шоке. Не верилось, что такое происходит, — рассказывает Прудовская. — Мой папа — украинец, моя бабушка — украинка. Первый и второй класс я училась в Украине. У нас там дом есть, мы в свое время ездили туда отдыхать».

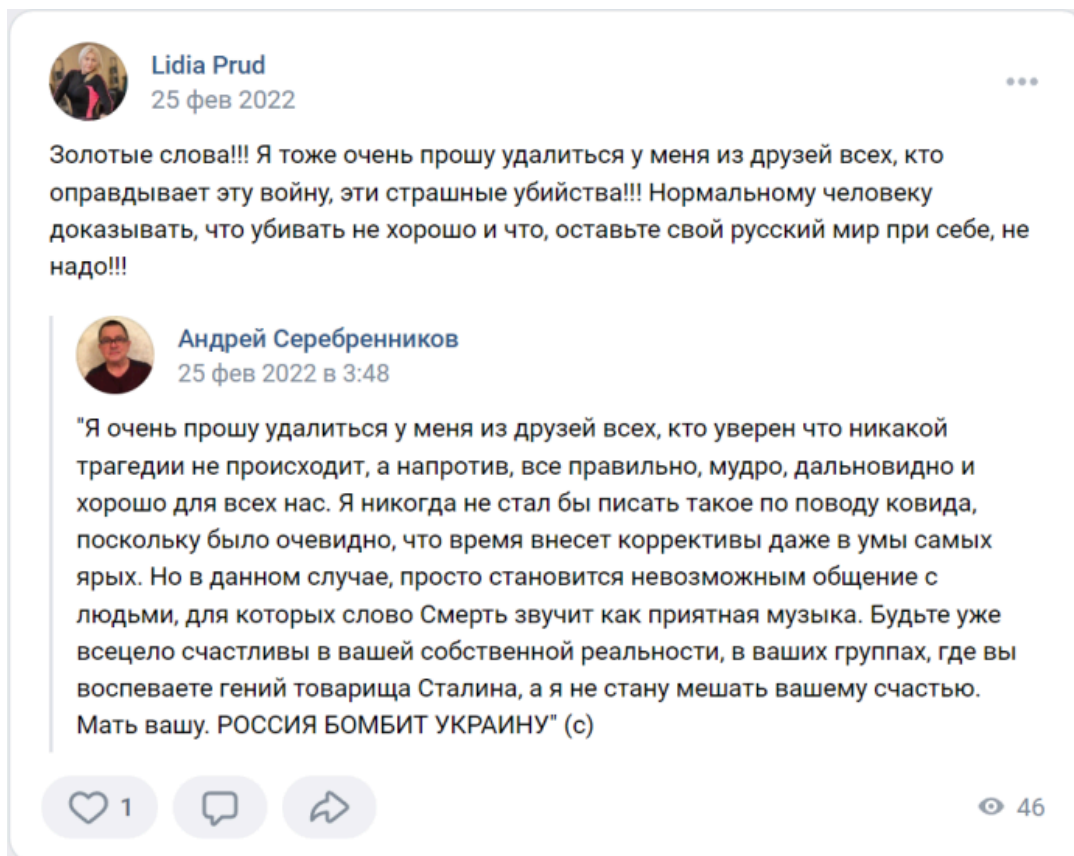
Прудовская и до войны публиковала на своей странице во «ВКонтакте» посты против российской власти и про свой активизм.

«Я всегда добивалась какой-то справедливости и пыталась бороться за свои права, в том числе и в судах. Меня даже постоянно на работе пытались уволить из-за этого», — говорит Лидия.

По ее словам, 24 февраля первым порывом стало высказаться против, потому что «это вообще что-то невероятное». Женщина стала писать посты о преступлениях российских военных и **массовом убийстве** в Буче.

«Я же жила в военном городе, там большинство — военнослужащие, — рассказывает Прудовская. — Меня спрашивали: „как можно не поддержать нашу армию в такой сложный момент?“ Я говорила: „Если Родина моя, почему я должна поддерживать, если ее надо лечить?“».

Из-за высказываний Лидии многие ее знакомые не только удалили ее из друзей во «ВКонтакте», но и перестали с ней общаться.

Один из постов Лидии во «ВКонтакте», опубликованный в первые дни полномасштабного вторжения

По словам Прудовской, для нее стало открытием, что у людей, с которыми она много лет дружила, проявились такие «нечеловеческие» чувства.

«Такое ощущение, что в один прекрасный момент мы сидели все за праздничным столом, а после 12 ночи люди превратились в каких-то зомби, — говорит женщина. — Для меня это было очень страшно, что они могут поддерживать убийство людей в Украине — убийство детей и стариков. Когда я им объясняла, между нами была стена непонимания. С кем-то могли обсуждать больше часа, с кем-то приходилось избегать этой темы, а кого-то даже удалось переубедить».

В сентябре 2022 года Прудовскую **оштрафовали** на 35 тысяч рублей по административной статье о дискредитации ВС РФ (ст. 20.3.3 КоАП). О протоколе она узнала, когда ей позвонили из прокуратуры.

Административное дело завели из-за восьми антивоенных публикаций за апрель и июнь 2022 года.

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Мы публикуем эти истории, поскольку верим, что информация защищает. Когда этого недостаточно, в дело вступают защитники. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей могли получить помощь адвоката в подобных делах.

ПОДДЕРЖАТЬ

«МАМА, КОГДА ЭТО ВСЕ КОНЧИТСЯ?»

Спустя полгода Прудовская получила постановление на обыск по уголовному делу — тогда она подрабатывала юристом и постоянно ходила на почту за письмами. Так она узнала, что на нее **завели** дело о повторной дискредитации армии (ч. 1 ст. 280.3 УК).

«Я связалась с правозащитниками сразу же и даже боялась идти домой», — вспоминает Лидия.

Женщина позвонила сестре и попросила съездить к ней в квартиру и проверить, что там происходит. Обыска в тот момент еще не было. «Она поехала на машине, забрала оттуда все компьютеры и ноутбуки, и только потом я вернулась туда и стала ждать, когда ко мне в шесть утра придут».

В ожидании силовиков Прудовская отправила детей пожить к сестре, тем более тогда у них были летние каникулы. Обыска так и не случилось.

Спустя неделю на работу к женщине пришли сотрудники ФСБ и отдали повестки на допрос для нее и ее детей:

«Я говорю: „А что, детей будете допрашивать? Это вообще законно?“ Они мне в ответ: „Законно“. На работе все, конечно, были в шоке от происходящего».

Через три дня после визита силовиков Прудовская с дочкой и приемным сыном пришли на допросы. «Я объяснила детям, что за мою антивоенную позицию меня и их вызывают на допрос. Они испугались, конечно, за меня, — вспоминает Прудовская. — Я им объяснила, что будет происходить, чтобы все это у них не вызвало психологическую травму».

Лидия с детьми в январе 2022 года / Фото из личного архива Лидии Прудовской

Детей следователь по особо важным делам допрашивал без Лидии, но с незнакомыми сотрудниками опеки и реабилитационного центра.

Первым разговаривали с Женей, позже он рассказал матери, как все происходило.

«Сначала он спрашивал, как в школе дела, как учишься, есть ли друзья в школе, про то, как мама относится к нему.

И потом уже начал: какие средства выхода в интернет у вас есть? Как часто в интернет выходит с телефона? Ходите ли вы в интернет? Ищете ли там что-то или нет?» — вспоминает Прудовская. — Женя вообще ничего практически не стал говорить. Я до допроса рассказала ему про 51-ю статью Конституции, и, в общем, он ответил только на вопросы про школу и друзей, и про мое отношение к нему. На остальные вопросы отвечал «51-я статья». Младшая дочка перепугалась, вцепилась в меня и не хотела идти. Придумала следователю, что у нас есть четыре больших компьютера и что с них она выходит в Интернет. Это я уже потом в материалах дела прочитала».

В тот момент муж Прудовской служил на архипелаге Новая Земля. «Про мое уголовное дело он сказал: „Они там с ума посходили“. Его по этому делу допрашивали пять часов службы ФСБ, хотя он им сказал, что мы не живем вместе с 2015 года, а общаемся только по теме воспитания детей», — говорит Прудовская.

«ЛУЧШЕ БУДУ В ЧУЖОЙ СТРАНЕ НА СВОБОДЕ С ДЕТЬМИ, ЧЕМ СЯДУ В ТЮРЬМУ, А ДЕТЕЙ ОТПРАВЯТ В ДЕТСКИЙ ДОМ»

Прудовская до последнего не собиралась уезжать из России. Сначала она решила переехать в деревню в 150 километрах от Мирного — там у нее был дом. Казалось, что в деревне обстановка должна быть поспокойнее. «Думали, в себя придем, отдохнем», — вспоминает Лидия.

Детям там понравилось: они пошли в местную школу, смогли адаптироваться.

«Только пережили переезд. Только там ремонт сделали, все более-менее отстроили какой-то быт. Но тут началось

давление, — рассказывает Прудовская. — Я узнала, что СК сделал запрос в органы опеки, чтобы нас поставили на усиленный контроль. Следователи сообщили им, что на меня завели уголовное дело. В опеке меня спросили, из-за чего так, я им честно ответила, что из-за антивоенных постов. Они как-то с пониманием отнеслись. Сказали только: „Ужас, что у нас творится“».

Но дополнительное внимание со стороны органов опеки все равно внушало тревогу. Лидия боялась, что Женю теперь могли забрать в любой момент — женщина не усыновила его, а оформила опеку.

«Мы не скрывали, что он из детского дома, и не видели смысла его усыновлять, — рассказывает она. — У него есть сердечное заболевание и проблемы с нервной системой. А когда ребенок под опекой, он каждый год проходит бесплатное медобследование, в том числе внимательно проверяют сердце. Младшей дочке мы такое только платно можем сделать».

«В деревне стали насмехаться над детьми: говорили, что их мать „поддерживает бандеровцев“. Я боялась, что их могли просто избить в один прекрасный день. К нам еще приходил на разборки пьяный сосед, который вернулся из Украины. У него были претензии из-за того, что я поддерживаю Украину», — вспоминает Прудовская.

Лидия с Женей летом 2022 года / Фото из личного архива Лидии Прудовской

Лидия связалась с правозащитниками, и они посоветовали ей уехать из России. **Проект «Вывозжук»** помог с эвакуацией.

Переезд поддержала и ее старшая дочка, которая сейчас живет в Португалии.

«Она говорила: „Мама, тебе нужно уезжать“. Я еще читала новости про то, что некоторых фигурантов закрывают

в психиатрических больницах, откуда сложно выбраться, — говорит Лидия. — Я подумала и решила, что лучше буду в чужой стране на свободе с детьми, чем сяду в тюрьму, а детей отправят в детский дом. Мы ехали почти полтора дня на трех такси из своей деревни. Мы почти не выходили из машин, с одной пересаживались на другую. Выходили только поесть в кафе. Про отъезд бывший муж узнал уже по факту, когда мы были в Грузии. Сказал, что главное, чтобы с детьми все было хорошо».

В Грузии Прудовская с детьми познакомились с беженцами из Украины — они жили в одном с ними хостеле. Дети семей подружились и часто играли вместе. Но спустя месяц украинцам дали визу в США, и они уехали.

«Дети вообще расстроились сильно. Женя сказал мне: „Мама, я уже больше не хочу путешествовать дальше“.

С сентября Прудовская и ее дети находятся во Франции и ждут политического убежища. «Я немного уже успокоилась, — рассказывает она. — Чувствую себя здесь более спокойно, чем в Грузии. Там из-за пророссийских политиков мы не могли чувствовать себя в безопасности».

«НИКТО НЕ МОЖЕТ ДАЖЕ ПРОКОНСУЛЬТИРОВАТЬ, ПОТОМУ ЧТО В ПЕРВЫЙ РАЗ С ТАКИМ СТАЛКИВАЮТСЯ»

Об отмене опеки Прудовская узнала незадолго до отъезда из Грузии — ей перестали приходить пособия на приемного сына от российского государства.

«На выезде из Грузии нас долго проверяли и не хотели отпускать. Я боялась, что российские власти могли успеть передать решение о лишении прав на ребенка грузинским, и их могли не выпустить из страны. В итоге мы разбудили

местного правозащитника среди ночи, чтобы нам помогли. Было уже четыре утра, а нас все никак не хотели выпускать. Мы могли не успеть на рейс во Францию!

Тут никто не может даже проконсультировать, потому что в первый раз сталкиваются с подобным случаем отмены опеки. Но все-таки Франция правовое государство. Думаю, ситуация, при которой у меня заберут Женю, маловероятна. Есть риск, что могут на время отстранить от воспитания, но он минимален.

Дети Лидии во Франции, 2024 год / Фото из личного архива Лидии Прудовской

В последнее время мы не знали, где окажемся завтра. Сейчас особых планов нет. Хочется только адаптироваться в стране, получить социальное жилье и отправить детей в школу. Надеюсь, Франция станет для нас родной страной со временем».

Детям Прудовской нравится в Париже больше, чем в Тбилиси, но они все равно хотят домой.

«Ни друзей, ни школы. Чем заниматься, непонятно», — отвечает журналисту ОВД-Инфо сам Женя на вопрос о том, каково им в эмиграции.

24 сентября **стало известно**, что МВД РФ объявило Женю в розыск как пропавшего без вести.

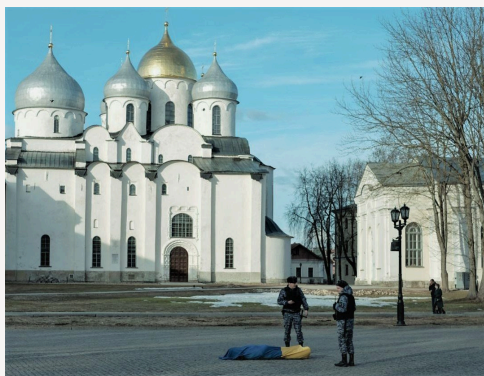
Олеся Павленко

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

«Антивоенное дело»

С первого дня вторжения в Украину жители российских городов проводят антивоенные акции и высказываются о «спецоперации» в соцсетях. Эти действия становятся поводом для уголовного преследования.

47 3884

Штрафы, аннулированные паспорта и конец «отложенной жизни»: История преследования Омского гражданского объединения

Как политический проект омских активистов продолжает работу вопреки эмиграции и репрессиям, и чем теперь занимается.